

ПО СЪВЕРНОЙ ПЕРСИИ ¹⁾.

XIV

Въ настоящее время курдскій вопросъ достигъ, мнѣ кажется, кульминаціоннаго пункта, а потому, я думаю, не лишне будетъ познакомить теперь же съ жизнью и воззрѣніями курдовъ, что освѣтитъ съ точки зрѣнія безпристрастнаго зрителя то ложное положеніе, въ которое поставленъ этотъ вопросъ, въ силу непониманія уклада ихъ жизни, вслѣдствіе чего и приходится держать въ Персіи излишнее количество русскихъ войскъ, когда можно было бы обойтись двумя-тремя стрѣлковыми полками.

Охотясь въ горахъ, намъ постоянно приходилось заходить въ курдскія селенія, какъ для ночлеговъ, такъ и на время дневокъ. Вотъ впечатлѣнія, которыя выносишь послѣ посѣщенія курдскаго селенія.

Прежде всего, что поражаетъ въ курдахъ—это замкнутость и подозрительность и при томъ такія, что гостепріимство, которымъ курды могутъ похвалиться, отодвигается на задній планъ. Если придти къ нимъ въ селеніе и попросить пріюта, то никто изъ курдовъ не пожелаетъ пускать къ себѣ въ «ханэ» (домъ), отговариваясь тѣмъ, что у cadaго изъ нихъ въ домѣ лежитъ тяжело-боль-

¹⁾ См. «Военный Сборникъ» № 8.

ной. Они уже подмѣтили нашу боязнь имѣть дѣло съ больными, вслѣдствіе того, что въ селеніяхъ процвѣтають тифъ, оспа, есть и прокаженные, а потому, естественно, мы стараемся держаться подалеже отъ больныхъ. Но повышенный голосъ и явное намѣреніе отправиться самому, чтобы удостовѣриться въ наличіи больного, дѣлаетъ ихъ нѣсколько сговорчивѣе. Нѣкоторые соглашаются уступить свой ханэ, но просятъ такую колоссальную сумму, что невольно разсмѣешься въ отвѣтъ! Тогда остается одно: потребовать къ себѣ бека и пообѣщать, что, если черезъ нѣсколько минутъ не будетъ очищенъ ханэ, то мы размѣстимся въ его домѣ. Эта угроза сейчасъ же приведетъ къ желательному результату: бекъ обойдетъ нѣсколько ханэ и, выбравъ получше, прикажетъ немедленно очистить ихъ. Если хозяинъ начнетъ возражать противъ такого насильственнаго выселенія, то нѣсколько ударовъ бека по спинѣ злополучнаго владѣльца ханэ заставятъ его подчиниться волѣ бека. И вотъ, только теперь, послѣ того, какъ нашли мы пріютъ, отношенія къ намъ рѣзко мѣняются... Курды становятся почтительными, гостепріимными; каждый считаетъ своимъ долгомъ принести что-нибудь изъ своего скромнаго домашняго обихода..

Чѣмъ объяснить такую метаморфозу?

Я думаю, что это происходитъ оттого, что курды, какъ магометане, конечно, съ большой неохотой пускаютъ въ свои жилища христіанъ. Я знаю такихъ курдовъ, которые, послѣ пребыванія въ ихъ селеніи русскихъ, бросали это селеніе и больше не возвращались.

Конечно, это уже фанатики, какихъ теперь мало; но фактъ тотъ, что среди нихъ, слѣдовательно, держится мнѣніе, что христіане оскверняютъ ихъ дома, а потому они съ такой неохотой пускаютъ ихъ къ себѣ. Кромѣ этого обстоятельства, неудобство выселенія заключается въ томъ, что курду приходится перетаскивать изъ своего ханэ все имущество, движимое и недвижимое, а главное—женщинъ, для которыхъ очень трудно найти помѣщеніе у своего сосѣда или знакомаго, къ которому онъ перебирается.

Такимъ образомъ, курды, при видѣ «гостей», конечно, стараются всячески улизнуть отъ удовольствія «переселенія», вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ стремится поставить непріемлемыя условія или запугать мнимо-больнымъ, надѣясь, что, быть можетъ, «гости» уйдутъ въ другое селеніе. Когда же «гости», наконецъ, устроятся и, такъ сказать, остальнымъ курдамъ не угрожаетъ ни-

какой опасности—природныя чувства курдовъ, гостепріимство и любопытство, берутъ верхъ надъ недовѣрчивостью.

Не успѣемъ мы расположиться, какъ начинается паломничество. Одинъ за другимъ входятъ къ намъ курды и, послѣ привѣтствованія «селямъ-алейкумъ» (здравствуй), кладутъ передъ нами свои подношенія, а затѣмъ усаживаются, по восточному, въ углу. Скоро около насъ образуется цѣлый складъ всякой дребедени: тутъ куски кизяка (родъ топлива), пучки юнжи (сѣно), лавашъ (хлѣбъ), кислое молоко, курдскій сыръ и пр., причемъ сыръ и лавашъ лежатъ на кизякѣ, который, по всей вѣроятности, благодаря своему плоскому виду, изображаетъ что-то вродѣ блюда. Но этого еще мало!.. Спустя нѣкоторое время на огромномъ блюдѣ приносятъ чашку съ какимъ-то горячимъ, довольно густымъ кушаньемъ; по бокамъ чашки лежатъ стопки тонкаго лаваша. Это ставится передъ нами, и всѣ курды, находящіеся въ комнатѣ, съ любопытствомъ приподнимаются, чтобы поглядѣть, какъ будемъ мы ѣсть. Но мы, конечно, не рѣшаемся, хотя и знаемъ, что все равно придется отвѣдать, чтобы не оскорбить хозяина этого кушанья. Нѣсколько минутъ длится молчаніе, въ продолженіе котораго курды съ удивленіемъ смотрятъ на насъ, нетерпѣливо ожидая, когда же, наконецъ, мы начнемъ закусывать. Но вотъ выходитъ одинъ изъ курдовъ, вѣроятно хозяинъ этого блюда, и уговариваетъ насъ попробовать. Чтобы доказать, что кушанье это не имѣетъ отравы, онъ обмакиваетъ въ него свои персты и обсасываетъ. Дѣлать нечего, мы беремъ по куску лаваша и намазываемъ. Кушанье — отвратительнаго вкуса, но, въ силу необходимости, приходится доѣдать взятый кусокъ лаваша.

Когда мы кончаемъ, намъ предлагаютъ еще, но мы, конечно, рѣшительно отказываемся. Чохъ саулъ! Чохъ саулъ! (большое спасибо), лепечемъ мы, отворачиваясь съ отвращеніемъ отъ блюда. Тогда хозяинъ поднимаетъ блюдо и отдаетъ его сидящимъ позади курдамъ. Они моментально уничтожаютъ содержимое, сопровождая актъ ѣды неистовымъ чмоканіемъ и обсасываніемъ пальцевъ.

Послѣ официального, такъ сказать, намъ подношенія хлѣба и соли, курды вступаютъ въ разговоръ. Они спрашиваютъ: кто мы? куда идемъ? чего намъ надо?

Выяснивъ, что мы охотники и пришли сюда только переночевать, не преслѣдуя никакихъ карательныхъ цѣлей или собиранія податей, что окончательно убѣждаетъ ихъ въ нашихъ добрыхъ намѣреніяхъ и располагаетъ къ намъ (сдержанности какъ не бы-

вало!..), курды придвигаются къ намъ поближе, рассматриваютъ наше оружіе. Кое-кто приноситъ свое, чтобы похвалиться.

Курды, какъ большіе любители и цѣнители оружія, не могутъ равнодушно смотрѣть на наши кавказскія шашки, разукрашенныя серебромъ, золотомъ и камнями. Одному изъ моихъ товарищей предлагали они большую сумму денегъ, чтобы онъ продалъ, и его отказъ огорчилъ ихъ очень сильно. Курды также стараются купить и ружья, въ особенности же патроны. Окончивъ осмотръ оружія, они переходятъ на принадлежности нашего туалета. Охотничьи сапоги приводятъ ихъ въ восхищеніе. Надо сказать, что съ приходомъ русскихъ, какъ среди персовъ, такъ и курдовъ, появилось тяготѣніе къ сапогамъ: они покупаютъ ихъ за большія деньги, гораздо дороже, чѣмъ стоятъ они на самомъ дѣлѣ, такъ что теперь персъ или курдъ въ сапогахъ есть признакъ состоятельности и знатности происхожденія (длинныя голенища охотничьихъ сапогъ такъ понравились курдамъ, что нѣкоторые изъ нихъ стали торговаться, словно мы могли имъ продать!). Насколько я помню, крайняя цѣна, предложенная курдами, достигала 13 тумановъ (около 25 руб.).

Мнѣ особенно памятна встрѣча въ селеніи «Арыкъ-Кама», гдѣ живетъ извѣстный и очень вліятельный среди курдскихъ племенъ Мамедъ-Джанго. Курды встрѣтили насъ какъ-то привѣтливѣе и лучше, чѣмъ въ другихъ селеніяхъ. Вначалѣ повторилась таже картина, что и выше. Самъ Мамедъ-Джанго не показывался, а прислалъ только угощеніе, но подъ вечеръ, когда мы хотѣли ложиться спать, пришелъ нукеръ (слуга хана) и сказалъ, что ханъ зоветъ насъ къ себѣ. Дѣлать было нечего; пришлось одѣться и идти къ нему. Здѣсь насъ ожидалъ обильный достарханъ (угощеніе) съ пѣніемъ и танцами курдовъ. Заунывное пѣніе ихъ очень похоже на пѣніе нашихъ кавказскихъ горцевъ. Это—воспоминанія о давно прошедшихъ боевыхъ дняхъ, славныхъ походахъ и дерзкихъ набѣгахъ. Во время пѣнія курды сидѣли съ опущенными головами и, покачиваясь изъ стороны въ сторону, казалось съ грустью думали о канувшей въ вѣчность свободной и разгульной жизни.

Когда мы выходили изъ ханэ гостепріимнаго хана, была уже глубокая ночь. Мѣсяцъ высоко поднялся надъ горизонтомъ, освѣщая узорчатыми бликами маленькое, сиротливо пріютившееся у высокой горы, селеніе.

Тѣни отъ гудѣвшихъ деревьевъ, казалось, ползли по землѣ, по серебрянной снѣгомъ. Внизу, въ ущельѣ, глухо ворчала горная рѣчка, которая, какъ дивная лента, сверкающая позолотой и серебромъ, причудливо извиваясь, словно змѣя, терялась во мракѣ угрюмаго ущелья. Только что выпавшій снѣгъ искрился, блестя, и его хрусть пріятно отдавался въ ухахъ...

XV.

Если сравнивать кого-либо съ горнымъ орломъ, такъ это курда. Любовь къ свободѣ и вольной жизни, такъ сильно развита у него, что курдъ, посаженный персидской администраціей въ тюрьму, не выноситъ заключенія: онъ или бѣжитъ, или хирѣетъ въ неволя и умираетъ. Чувство свободы и независимости у курда развиты сильнѣе, чѣмъ у кавказскаго горца; вообще, у нихъ очень много родственныхъ сторонъ, такъ что—кто жилъ на Кавказѣ и знакомъ съ бытомъ горца—тому очень легко понять характеръ и натуру курда. Это дикарь, совершенно незнакомый съ цивилизаціей, не только съ европейской, но даже и съ персидской, вслѣдствіе обособленнаго и полукочевого образа жизни. Мнѣ кажется, что, если пріобщить ихъ къ европейской культурѣ, то курды такъ же быстро вырождаются, какъ исчезаютъ нынѣ съ изумительной быстротой американскіе индѣйцы. Причина кроется въ національныхъ чертахъ ихъ независимаго и гордаго характера. Курды могутъ воспринять только внѣшнія стороны цивилизаціи, которыя поразятъ ихъ, т.-е., говоря словами Кантемира, это будутъ «петиметры». Дальше этого они не пойдутъ. Если же европейцы станутъ насѣдать на нихъ, курды уйдутъ въ глубь горъ и здѣсь, изъ-за недостатка пастбищъ, какъ непримиримые враги, будутъ вѣчно драться между собой, уничтожая другъ друга. Они неспособны воспринять другихъ условій жизни, чѣмъ тѣ, въ которыхъ живутъ ²⁾. Они не переносятъ притѣсненій, ибо, въ противномъ случаѣ, будутъ истреблять другъ друга и бороться не на животь, а на смерть со своими притѣснителями. Они не желаютъ ничего другого, какъ только пользоваться свободой и независимостью. Какъ я говорилъ уже выше, курды ведутъ полукочевой образъ жизни. Съ началомъ зимы и до поздней осени они кочуютъ въ гор-

²⁾ Примѣръ усмиренія Туркменіи позволяеть и здѣсь надѣяться на лучшее.

ныхъ равнинахъ и только съ наступленіемъ холодовъ, когда въ горахъ выпадаетъ снѣгъ, спускаются въ предгорныя селенія, въ которыхъ когда-то жили армяне, персы, но, вслѣдствіе постоянныхъ грабежей и разбоевъ, бросили эти селенія много лѣтъ тому назадъ и переселились внизъ, поближе къ городамъ, гдѣ можно все-таки искать защиты. Удивительно жалкое впечатлѣніе производятъ эти полуразрушенныя селенія! Они такъ напоминаютъ бѣдные горскіе аулы, гдѣ крыша одной сакли служитъ дворомъ для другой, гдѣ кромѣ бѣдности и запустѣнія съ одной стороны, апатіи и индефферентности жителей съ другой, не видно болѣе ничего, что невольно вообразасшь себя въ горахъ Кавказа. Ахъ, какъ лѣнны курды!.. Его ханэ вотъ-вотъ развалится... Кругомъ сколько угодно подручнаго матеріала, чтобы поправить домъ, но онъ неподвижно сидитъ передъ тандыремъ (очагомъ) и непрерывно куритъ скверный турецкій табакъ. Вся домашняя работа всецѣло лежитъ на женщинахъ, а курды зимою отдыхаетъ, не желая ровно ничего дѣлать. Его главное богатство—баранта. Чѣмъ больше головъ, тѣмъ, значитъ, курды богаче. Изъ молока куртинки готовятъ особый сыръ, замѣчательно вкусный. Въ этотъ сыръ онѣ подмѣшиваютъ особаго рода горную траву, придающую сыру какую то остроту и нѣжность. Кромѣ того онѣ готовятъ еще великолѣпное кислое молоко и пекутъ лаваша. Все это и составляетъ пищу курда, который въ этомъ отношеніи очень нетребователенъ: кусокъ сыра и лаваша можетъ удовлетворить его въ теченіе цѣлаго дня. Любимый напитокъ курда—чай. Баранину они ѣдятъ очень рѣдко: въ большіе праздники или когда пріѣзжаютъ почетные гости.

Курдскія женщины пользуются гораздо большей свободой, чѣмъ персидскія. Онѣ имѣютъ право ходить съ открытыми лицами и отъ насъ, русскихъ, не только не прячутся, но, наоборотъ, съ большимъ любопытствомъ разсматриваютъ и даже разговариваютъ съ нами. Я знаю, что у многихъ курдскихъ племенъ жена хана замѣняетъ въ отсутствіи мужа и другихъ прямыхъ родственниковъ своего мужа по мужской линіи. Къ ней обращаются за совѣтами, и ея рѣшенію обязаны подчиниться.

Собственно говоря, курдскія племена только номинально подчиняются ханамъ. Все подчиненіе состоитъ въ томъ, что они обязаны уплачивать имъ установленную подать; но въ нѣкоторыхъ случаяхъ ханы пользуются извѣстной властью: напримѣръ, могутъ наказывать непокорныхъ. Впрочемъ, это право принадле-

жить только тѣмъ изъ хановъ, которые пользуются всеобщимъ уваженіемъ и популярностью. Старики пользуются почетомъ и имъ принадлежитъ всегда первое мѣсто при обсужденіи какихъ-либо вопросовъ. Кроме того, есть еще такіе курды, которые своей безумною храбростью и отвагой во время набѣговъ и разбоевъ стяжали себѣ славу. Они, какъ легендарные герои, уважаются не только тѣмъ племенемъ, которому принадлежать, но также и многими другими племенами. Эти «герои» очень опасны—такъ какъ, благодаря популярности, легко могутъ взбудоражить нѣсколько племенъ на защиту «попраныхъ» правъ, вѣриже—для достиженія личныхъ цѣлей.

Недавно мнѣ пришлось встрѣтить отца извѣстныхъ братьевъ Омеръ-хана и Гуссейнъ-ага, которые организовали въ прошломъ году нападеніе на Ширванскій полкъ у Зиндешта. Этотъ курдь, уже древній старикъ, но замѣчательно крѣпкій и здоровый, чрезвычайно похожъ на Тараса Бульбу. Лицо его покрыто глубокими шрамами, а тѣло прострѣлено не одной пулей. Въ какихъ только набѣгахъ онъ не участвовалъ! Онъ пользуется большимъ влияніемъ на сомайскихъ курдовъ.

А вотъ другой типъ: курдь Темиръ-Джанго. Это уже завѣдомый разбойникъ. Его тѣло положительно изрѣшето пулями и, несмотря на свой преклонный возрастъ, онъ также крѣпокъ и стоекъ, какъ левъ, а черные большіе глаза выражаютъ непреклонную волю и энергію. Его зовутъ русскіе: «Курдскимъ волкомъ».

Темиръ-Джанго кровникъ Симко, котурскаго хана.

Среди курдовъ очень распространена кровная месть. Эта путанная и сложная система мести создаетъ враждебныя отношенія между цѣлыми племенами. Съ этимъ обычаемъ приходится считаться очень основательно, такъ какъ въ противномъ случаѣ могутъ произойти крупныя непріятности.

Я говорю такъ, основываясь на печальномъ фактѣ, имѣвшемъ здѣсь мѣсто зимою прошлаго года.

Это—подчиненіе сомайскихъ курдовъ котурскому хану Симко.

Измаилъ Симко имѣетъ въ Сомаѣ много кровниковъ, но хойскій вице-консулъ, вѣроятно, упустилъ это обстоятельство изъ виду и содѣйствовалъ упроченію Симко въ Сомаѣ, съ помощью вооруженныхъ силъ, въ лицѣ русскихъ войскъ. И что же вышло изъ этого? Пошли, конечно, вооруженныя столкновенія между приверженцами Симко и сомайскими курдами, а за послѣднее время они стали нападать и на русскія войска, считая ихъ за виновни-

ковъ того ужаснаго положенія и междуусобицы, которыя создались сейчасъ въ Сомаѣ.

Впрочемъ объ этомъ дѣлѣ я поговорю подробнѣе въ слѣдующей главѣ.

Закаленность, выносливость и спартанскій образъ жизни курдовъ поражаютъ всѣхъ. Закалка начинается еще съ дѣтства. Достаточно сказать, что курды на своихъ дѣтей обращаютъ очень мало вниманія. Ребенокъ во всякое время года ходитъ голышемъ. Еще зимою на немъ бываетъ рубашенка, но и только. Босой, онъ бѣгаетъ по селенію, играя съ баранами, и это при морозѣ въ 10—14 градусовъ! Весною, когда курды уходятъ на кочевье въ горы, дѣтишки совершаютъ переходы пѣшкомъ и такъ втягиваются и привыкаютъ къ лазанію по отвѣснымъ скаламъ, что, подрастая, они совершенно свободно и легко бѣгаютъ по горамъ. При такомъ образѣ жизни дѣтей, я думаю, что тѣ изъ нихъ, которые выживутъ, будутъ достаточно закалены, и всѣ трудности и лишенія походной жизни для нихъ—ноль. Правда, смертность среди курдскихъ дѣтей очень велика, но курды на это не обращаютъ никакого вниманія, говоря, что разъ Аллахъ подарилъ ему ребенка, то онъ, конечно, знаетъ, когда слѣдуетъ взять его къ себѣ. Вообще на этотъ счетъ у нихъ фаталистическій взглядъ. Судьба! говорить курдъ или: все равно надо умирать!

Курдъ дикъ, и эта дикость граничитъ у него съ кровожадностью. Убить человѣка для него—потребность, какъ для гастронома тонкій обѣдъ. Чѣмъ наглѣе грабежъ, чѣмъ дерзче разбой, чѣмъ больше убито сельчанъ, на которыхъ напали, чѣмъ больше крови пролито, тѣмъ больше почета и уваженія. Слава и популярность достигаются не умомъ, не мудростью и не талантами, а отвагой и храбростью. Курдъ, не побывавшій въ перестрѣлкѣ и не убившій никого, не цѣнится ни во что. Все построено на личномъ героизмѣ. Вчера ничтожество, но сегодня, благодаря совершенному подвигу, всеобщій почетъ и уваженіе...

Если курда начинаютъ притѣснять, онъ становится опаснымъ, какъ раненый звѣрь. Не такъ то легко разстается курдъ со свободой и вольностью!

Правда, открыто нападать въ такихъ случаяхъ онъ не любитъ, предпочитая дѣйствовать по-партизански. Этотъ родъ войны ему хорошо извѣстенъ. А что хуже партизанской войны, да еще въ горахъ, гдѣ каждая тропа извѣстна курду?

Въ концѣ концовъ русскимъ не избѣжать такого столкновенія, если будутъ давить и притѣснять курдовъ.

XVI.

Познакомивъ съ міровоззрѣніемъ, бытомъ и характеромъ курда, я перехожу къ выясненію тѣхъ ненормальныхъ отношеній, которыя сложились въ настоящее время между русскими и курдами и которыя могутъ привести къ нежелательному результату.

Уже теперь курды стали нападать на русскіе отряды, чего прежде не было. О прошлогоднемъ Зиндештскомъ нападеніи, гдѣ участвовали курды, я не говорю на томъ основаніи, что главными вдохновителями и инициаторами этого дѣла были турки, посты которыхъ находились по близости. Это они подговорили курдовъ, обѣщая имъ помощь, а затѣмъ, конечно, умыли руки и созерцали съ невинностью ребенка перипетіи столкновенія и, если бы успѣхъ былъ на сторонѣ курдовъ, они безусловно бы помогли имъ.

Кромѣ зиндештскаго дѣла, курды не нападали на русскихъ, а вообще они, конечно, грабили и разбойничали, за что строго обвинять ихъ нельзя. Въдъ Кавказъ болѣе 50-ти лѣтъ, какъ присоединенъ къ Россіи, а развѣ разбойничество прекратилось? Зелимъ-ханъ, Абдуль-керимъ, Мамедъ-али и др. рождаются самимъ народомъ и будутъ до тѣхъ поръ, пока горецъ не переродится. Съ этимъ зломъ насильственными мѣрами бороться нельзя. Законъ таковъ: чѣмъ больше притѣсняють дикій и свободолюбивый народъ, тѣмъ больше растетъ среди него озлобленіе. Поймають одного вожака, повѣсятъ его, появится другой. Разница будетъ только въ именахъ. Таковы курды.

Пребываніе русскихъ войскъ въ сѣверной Персіи было вызвано необходимостью охраны дорогъ внутри Персіи, чтобы содѣйствовать развитію нашей торговли. Правильная торговля можетъ быть только при безопасномъ сообщеніи. А кто грабилъ караваны и убивалъ путешественниковъ и торговцевъ? Преимущественно курды. Для усмиренія ихъ были посланы русскія войска, которыя, занявъ важные торговые пункты, обезпечили тѣмъ самымъ правильное движеніе. Курды ушли въ горы и грабежи на дорогахъ прекратились. Разбойничьи же набѣги на окрестныя селенія, конечно, продолжались, но, повторяю, что отъ этого ихъ нельзя отучить никакими наказаніями, ни угрозами, ни обѣщаніями. Безъ этого курды не могутъ жить; это впиталось въ ихъ плоть и кровь. Надо перевоспитать курдовъ.

Итакъ, казалось бы, что задача, которая была возложена на русскія войска, выполнена нами блестяще: почти безъ пролитія крови.

Время отъ времени курды обирали какого нибудь персіянина или армянина, убивали сирійца или еврея, или угоняли гдѣ нибудь баранту. Вотъ и все. Въ общемъ же наступило затишье.

Но отъ торговыхъ интересовъ русскіе консулы перешли къ политикѣ. Они стали «кроить» курдскія земли и подчинять ихъ непопулярнымъ ханамъ... Началось съ того, что Сомай (сомайскіе курды) подчинили котурскому хану Симко: какъ я уже говорилъ выше, среди сомайскихъ курдовъ у Симко имѣются кровники, которые отказались ему подчиниться. Началось броженіе. Симко, конечно, обратился къ хойскому вице-консулу за помощью; послѣдній отправилъ въ Куни экспедицію. Дѣло было зимою. Русскія войска, преодолевая страшныя трудности, добрались до ставки возмущившихся курдовъ и заставили непокорныхъ Темиръ-Джанго, Мамедъ-Шерифа и другихъ бековъ поклясться на коранѣ въ вѣрности Симко. Тѣ поклялись подъ угрозой разрушенія ихъ разбойничьяго гнѣзда, а также еще и потому, что стояла зима и уйти было некуда. Такимъ образомъ этой экспедиціей никакого примиренія достигнуто не было. Затѣмъ урмійскій и хойскій вице-консулы раздѣлили всѣхъ курдовъ на двѣ части. Одна половина отошла «подъ вліяніе» хойскому вице-консулу, другая урмійскому. Эта дѣлжка вызвала такое броженіе между курдами, что подъ Урміей появились даже вооруженные отряды, а громадное скопище ихъ въ окрестностяхъ Соуджъ-Булага рѣшило напасть на урмійскій отрядъ. Ждали изо дня въ день нападенія, но въ это время сомайскіе курды не выдержали и напали на нашъ постъ Селямерикъ. Нападеніе въ связи съ тревожными вѣстями заставило консуловъ одуматься и вновь «перекроить» курдовъ, что внесло нѣкоторое успокоеніе. Тѣмъ временемъ Симко, зная, что русскіе поддержать его, сталъ форменно грабить подчиненныхъ ему сомайскихъ курдовъ. Какъ фактъ, могу сообщить слѣдующее. Какъ то разъ приходитъ группа сомайскихъ курдовъ въ Дильманъ. Оказалось, что это «выборные» отъ Сомая; ихъ послали сюда жаловаться на Симко. «Онъ насъ разоритъ совсѣмъ! говорили они. Уберите его изъ Чіаря-Кала (резиденція Симко). Кого хотите посадите туда. Поставьте лучше своихъ солдатъ или кого угодно, но только выгоните Симко!». Вотъ какъ настроено противъ Симко одно изъ самыхъ могущественныхъ племень! Но кто такой Симко? Въ чемъ его заслуга?

Юноша этотъ, которому, кажется, нѣтъ еще и 22 лѣтъ, годъ тому назадъ занималъ почетный постъ котурскаго хана. Во время окупаціи урмійскаго раіона турками, онъ не допустилъ къ себѣ въ Ко-

туръ ни одного турка; всякій разъ, когда они хотѣли перейти границу котурскаго ханства, Симко съ оружіемъ въ рукахъ отстаивалъ свои права, чѣмъ, естественно, возстановилъ противъ себя турокъ. Когда же въ Персію пришли русскіе, онъ объявилъ себя другомъ Россіи. Вотъ и вся его біографія! Особенныхъ заслугъ, какъ будто, не видно. Постепенный ходъ событій велъ къ тому, что Симко рано или поздно, а сталъ бы другомъ русскихъ. Могъ ли онъ перейти на сторону турокъ, которые были противъ него озлоблены и которые назначили даже приличное вознагражденіе за его голову? Мнѣ кажется: нѣтъ. Тѣмъ болѣе, что дѣдъ Симко былъ вѣроломно схваченъ турками и умерщвленъ ими въ Константинополѣ, а надо помнить, что Симко—курдъ; а у курдовъ существуетъ обычай кровной мести. Далѣе... Если Симко не допустилъ въ Котуръ турокъ, то дѣлалъ ли онъ это въ угоду русскимъ, чтобы доказать свою дружбу? Конечно нѣтъ! Во-первыхъ, онъ просто-напросто охранялъ свои земли изъ-за личныхъ выгодъ; а, во-вторыхъ, онъ видѣлъ въ туркахъ своихъ кровныхъ враговъ, которые замучили его дѣда. А между тѣмъ всю эту исторію раздули выше геркулесовыхъ столбовъ: Симко поклонникъ Россіи! Симко лучшій другъ русскихъ! и т. д.

И вотъ, въ награду за такое отношеніе къ русскимъ, его рѣшили отблагодарить и подарили ему Сомай. А Симко воспользовался, конечно, такимъ къ нему отношеніемъ и довѣріемъ и, не задумываясь о послѣдствіяхъ, сталъ разбойничать и грабить населеніе. Симко самъ говоритъ, что, какъ только русскіе уйдутъ изъ Сомаи, онъ убѣжитъ изъ Чіари-Кала.

Подобное «управленіе» Сомаемъ безусловно приведетъ къ партизанской войнѣ со всѣмъ населеніемъ персидскаго Курдистана, потому что за сомайскими курдами возстанутъ и другія племена.

Политика русскихъ консуловъ для курдовъ непонятна. Вѣдь если бы русскіе не стояли за Симко, его давнымъ давно или выгнали бы изъ Чіари-Кала, или убили бы! А такъ какъ этого сдѣлать имъ не разрѣшаютъ, то они думаютъ, что хищничествамъ и беззаконіямъ Симко потворствуютъ сами же русскіе, тѣмъ болѣе, что Симко неоднократно прикрывался русскимъ именемъ, говоря, что «дѣлаетъ» это съ вѣдома русскихъ.

Вотъ почему миръ, заключенный зимою въ Куни, оказался такъ непрочень.

Съ іюня, Темиръ-Джанго и другіе, клявшіеся зимою въ вѣрности Симко, опять возстали на защиту поправныхъ правъ и для изгнанія Симко изъ Сомаи.

Симко обратился, понятно, за помощью къ хойскому вице-консулу. Опять былъ посланъ отрядъ въ Чиари-Кала.

Правда, русскіе активно не выступали противъ возставшихъ курдовъ, но, охраняя тыль и резиденцію Симко, развязали ему тѣмъ самымъ руки, благодаря чему Симко, забравъ съ собою всѣхъ всадниковъ, погнался за Темиръ-Джанго. Въ горахъ произошло столкновение. Темиръ-Джанго отступилъ и ушелъ въ Турцію. Въ руки Симко, между прочимъ, попался любимый сынъ Темиръ-Джанго, котораго, конечно, сейчасъ же зарѣзали.

Этого злодѣянія Темиръ-Джанго никогда не забудетъ и не проститъ Симко. Отнынѣ, какъ кровожадный звѣрь, будетъ онъ искать случая отомстить Симко... А недовольныхъ у Темиръ-Джанго очень много... Говорятъ, что Темиръ-Джанго сказалъ: «Я не хочу сражаться теперь съ Симко потому, что за спиной его стоятъ русскіе солдаты, по настанетъ время и мы помѣримся съ нимъ».

Сейчасъ въ Соматъ страшное недовольство противъ русскихъ за то, что они вмѣшиваются въ распри и личныя отношенія курдовъ: «Мы васъ не трогаемъ, говорятъ они; чего хотите вы отъ насъ? Мы знаемъ сами, какъ надо рѣшать свои дѣла».

Іюньское нападеніе на урмійскаго консула подъ Урміей есть опять таки результатъ недовольства и броженія среди курдовъ. Правда, нападеніе это, не стоящее выѣденнаго яйца, было страшно раздуто.

Вообще, за послѣднее время нападенія участились и, если консулы хотятъ сохранить добрыя отношенія съ курдами, то необходимо, прежде всего, немедленно выгнать Симко изъ Чиари-Кала и водворить его на жительство въ Котуръ, а, во вторыхъ, не вмѣшиваться въ личныя дѣла курдовъ, предоставивъ рѣшать ихъ самимъ курдамъ... Вѣдь у нихъ существуютъ извѣстные обычаи, которыми они и руководятся. Для чего же навязывать то, что не отвѣчаетъ укладу жизни и нѣтъ воззрѣніямъ?

XVII.

О томъ, что можетъ дать сѣверная Персія въ торгово-экономическомъ и финансовомъ отношеніяхъ, а такъ-же выгодно ли присоединеніе ея къ намъ со стратегической точки зрѣнія, я напишу въ слѣдующій разъ, когда установится на Балканахъ status quo и окончательно выяснится позиція Турціи... Теперь же я хочу указать лишь на то обстоятельство, что въ настоящее время въ

сѣверной Персіи находится слишкомъ много войскъ, численность которыхъ можно было бы сократить со спокойной совѣстью.

Главная роль въ бою принадлежитъ вообще пѣхотѣ, а въ горахъ тѣмъ болѣе... Артилерія нужна здѣсь, только горная, а никакъ не полевая, при непроходимости для нея дорогъ, да и та только для того, чтобы «попугать» курдовъ.

Это происходитъ оттого, что стрѣльба шрапнелью, вслѣдствіе отлогой траекторіи и нахождения противника за гребешками горъ или глинобитными стѣнками, не наноситъ ему никакого урона.

Единственный родъ снаряда, которымъ достигается здѣсь нѣкоторый успѣхъ это—граната.

Въ настоящее время въ Азербейджанѣ находится дивизионъ полевой артилеріи, батареи котораго въ теченіе цѣлаго года не посылались ни въ одну экспедицію, тогда какъ горныя батареи стрѣлковаго дивизиона постоянно странствуютъ то туда, то сюда. Вернулись изъ одного похода, смотришь, собираются въ другой. Да если и сравнить полевую пушку 1900 года и горную, образца 1909 года, состоящія на вооруженіе въ данную минуту, то безусловно всѣ выгоды на сторонѣ послѣдней. Начну съ того, что движеніе даже горной артилеріи здѣсь очень затруднительно и сопряжено съ большими трудностями, а для полевой совершенно невозможно, потому что (какъ сказано) нѣтъ дорогъ. Какъ я уже писалъ, вмѣсто дорогъ, въ горахъ Персіи существуютъ тропы, по которымъ ишакъ или верблюдъ свободно проходятъ. Сможетъ пройти и горная артилерія (взявшись на вьюки, хотя и съ опасностью сверзиться въ пропасть), но не полевая. Я думаю, было бы безуміемъ даже пробовать...

Въ силу этого полевая артилерія обрекается здѣсь на бездѣйствіе. А что хуже бездѣйствія и томительнаго ожиданія! Удобство примѣненія къ мѣстности горной артилеріи не только лучше, но выгодно еще и въ томъ отношеніи, что высота закрытій на позиціяхъ нужна меньше, чѣмъ для полевой, благодаря чему уменьшается мертвое пространство; да, наконецъ, имѣя щиты, горная артилерія можетъ свободно становиться на открытыхъ позиціяхъ, тогда какъ полевая въ этихъ случаяхъ несла бы большія потери личнаго состава. Дѣло въ томъ, что артилеріи приходится здѣсь, въ силу невыгодной топографіи мѣстности и отлогой траекторіи, становиться на близкихъ дистанціяхъ, а курды на такомъ разстояніи великолѣпные стрѣлки...

Баллистическія же свойства, какъ той такъ и другой—одина-

ковы. Такимъ образомъ, подводя резюме всему вышесказанному, нельзя не согласиться, что горная артилерія нужнѣе полевой и, въ случаѣ надобности, боевыя свойства ея могутъ быть использованы съ большимъ успѣхомъ. Если же необходимо имѣть въ Персіи такъ много артилеріи, то надо, въ такомъ случаѣ, замѣнить полевую артилерію горной или же развернуть стрѣлковыя батареи до 8 орудійныхъ (стрѣлковыя батареи имѣютъ сейчасъ запряженными по 4 орудія), что было бы самымъ цѣлесообразнымъ, а въ финансовомъ отношеніи гораздо экономнѣе.

Ж.

